

ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ В ДНЕВНИКАХ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ В. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

А. А. ГАЛИЧ¹⁾

¹⁾Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко,
пл. Гоголя, 1, 92703, г. Старобельск, Луганская обл., Украина

Исследуются особенности портретирования в документальном тексте на материале дневников украинской писательницы В. Чередниченко, чрезвычайно богатых на описания внешности реальных исторических личностей, с которыми автор была знакома. Отмечено, что в дневниках встречаются концентрированные и деконцентрированные портреты. Доказано, что первый вид портретов представлен преимущественно лаконичными описаниями внешности, состоящими всего из нескольких деталей, которые в подтексте частично раскрывают внутренний мир персонажей, при этом портреты женщин отличаются негативной оценкой, их поведение, внутренний мир вызывают у автора отвращение, хотя описания внешности не содержат отрицательных характеристик. Указано, что деконцентрированных портретов в дневниках значительно меньше, из отдельных деталей в них создаются достаточно полные описания внешности героев во временной эволюции. Замечено, что большая временная дистанция между портретами П. Тычины дает возможность проследить за изменениями его внешности и выявить взаимосвязь между описаниями внешности героя и изменением чувств к нему автора дневника. Утверждается, что дневники В. Чередниченко писала для себя и это позволяло ей создавать более откровенные, субъективные, точные портреты, в которых проявлялись особенности индивидуального стиля автора.

Ключевые слова: архив; дневник; портрет; концентрированный портрет; деконцентрированный портрет.

PORTRAITURE FEATURES IN DIARIES OFF THE RECORD V. CHEREDNICHENKO

A. O. HALYCH^a

^aTaras Shevchenko National University of Luhansk,
Gogol Square, 1, 92703, Starobilsk, Luhansk Region, Ukraine

The aim of this study is to examine the characteristics of portraiture in the documentary text. The object serves as a diary of Ukrainian writer V. Cherednichenko which is extremely rich in the description of the appearance of real historical figures, with which she was familiar. In the diary there are concentrated and deconcentrated portraits. It is proved that concentrated – are mainly represented by concise descriptions of appearance, consisting of just a few parts that are part of the subtext reveals the inner world of the characters. Portraits of women differ negative assessment, but on a subconscious level, behavior, inner world of characters disgust, although outwardly nothing negative in portrait characterization not. Deconcentrated portraits significantly less of the individual parts, they create a fairly complete description of the appearance of the characters in the time evolution. Most temporal distance in the portrait of P. Tychyna makes it possible to track how changes its appearance as being extinguished in the diary of the author's love for him. Diary of V. Cherednichenko wrote for herself, giving the author the ability to create a more frank, subjective portraits accurate, that is a feature of her individual style.

Key words: archive; diary; portrait; concentrated portrait; deconcentrated portrait.

Архивы Украины содержат десятки разножанровых документальных произведений, которые еще не стали объектом внимания ученых. Так, в отделе рукописных фондов и текстологии Института литературы имени Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины хранятся дневники М. Ивченко,

Образец цитирования:

Галич А. А. Особенности портретирования в дневниках не для печати В. Чередниченко // Весн. БДУ. Сер. 4, Філологія. Журналістика. Педагогіка. 2016. № 3. С. 97–100.

For citation:

Halych A. O. Portraiture features in diaries off the record V. Cherednichenko. *Vesnik BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2016. No. 3. P. 97–100 (in Russ.).

Автор:

Артем Александрович Галич – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры журналистики и издательского дела факультета украинской филологии и социальных коммуникаций.

Author:

Artem Halych, PhD (philology), docent; associate professor at the department of journalism and publishing, faculty of Ukrainian philology and social communications.
artem.lnu@mail.ru

В. Полищука, В. Чередниченко. В каждом из этих произведений важное место занимают портретные зарисовки реальных исторических личностей. Специфику портретирования в них зачастую определяет жанр, а в большей степени – тот факт, что дневники не были предназначены для последующей публикации.

Целью данной статьи является изучение особенностей портретирования в дневниках В. Чередниченко, включающих 20 разноформатных общих тетрадей, записи в которых украинская писательница вела на протяжении 1924–1949 гг. Тексты содержат немало портретных характеристик реальных исторических личностей, среди которых немало украинских, российских, кавказских писателей.

При рассмотрении дневника В. Чередниченко следует учесть специфику жанра, к которому обратилась писательница. Автор вела регулярные записи о событиях, свидетелем или участником которых она была, при этом в текст часто вводились концентрированные портреты, сосредоточенные в одном месте записи. Реже писательница создавала портреты деконцентрированные, размещенные в разных частях текста. Следует отметить еще одну жанровую особенность дневника В. Чередниченко, о которой она написала 9 мая 1941 г., сравнив свои записи с дневником Т. Шевченко: *Вспомнила дневник Шевченко. Он его писал для своих друзей. Такая направленность лучше уводит автора от лишних мелочей бытовых. И все, и я, пишу «для себя», а это все же получается не совсем искренне...*¹ [1, с. 38]. Из этого следует, что В. Чередниченко писала личный дневник, в котором не избегала мелочей, давала откровенные и субъективные оценки людям, о которых упоминала в своих записях. Все это нашло отражение и в портретных характеристиках личностей. Сами записи часто были неотредактированными, содержали определенные нарушения грамматики и логики. Все это обусловлено спецификой дневникового жанра.

Личную жизнь В. Чередниченко нельзя назвать счастливой, это в некоторой степени объясняет тот факт, что в портретных характеристиках ее ранних записей наблюдается своеобразный сексизм, присутствуют специфические гендерные стереотипы, когда на подсознательном уровне лица женского пола получают негативную характеристику. Их поведение, внутренний мир вызывают у автора отвращение, хотя в описании внешности героев отрицательной оценки нет. Примером такой портретной характеристики является образ украинской писательницы Н. Забилы, которую В. Чередниченко упоминала в записи, датированной 26 ноября 1924 г.: *Бедная Наталья Забила. Красивая. 22 года. Имела более 20 мужчин. В комсомол записалась после того, как в 17 лет травилась после одного разрыва. Из партии исключили за «разгул». Жена аспиранта-историка С. Божко. Имеет сына 1 года. Сейчас забеременела от А. Копыленко. У него жена беременная также* [2, с. 7]. В этом фрагменте практически отсутствует изображение физических черт героини, упоминается лишь о том, что Н. Забиле 22 года и она красива. Дополняет образ характеристика героини с точки зрения морали, констатация ее легкомыслия и неразборчивости в половых отношениях.

Не лучшими качествами в интерпретации В. Чередниченко обладали жены украинских писателей, с которыми она поддерживала приятельские отношения. О дружбе с семьей В. Полищука свидетельствует запись от 25 декабря 1925 г.: *Пришел Валерьян Полищук с женой и маленьким Марком. <...> Залезли все на тахту. Вал[ерьян] веселый, бодрый, книгу мне принес свою. <...> Говорит: «Теперь, когда я угробил Тычину и разбил редакц[ионную] коллегия «Червоного шляха», у меня в журналах не лежит ничего для печати, за исключением злополучной «Евпатории»* [3, с. 38–39]. В этой записи Полищук характеризуется как чрезвычайно амбициозный и хвастливый человек, важно также упоминание о жене писателя. В следующей записи, сделанной 28 марта 1926 г., В. Чередниченко раскрывает ее портрет с гендерных позиций: *Йола Полищук с Марком. Валерьян, не увидев меня в театре, прислал их, чтобы самому отдохнуть. Ну что за самка-паразит. Не знает даже содержания «Красного потока», и такая-сякая примитивная мещанка в своих стремлениях и желаниях, и грубо неопрятная. <...> Ну не о чем с ней разговаривать. Ходит на концерты, а о том, что слышала, не знает* [3, с. 71]. Сознательно или подсознательно, но Й. Полищук показана автором лишь с отрицательной стороны: В. Чередниченко избегает изображения внешности героини, но за краткой характеристикой просматривается внутренний мир неряшливой глупой мещанки, духовность которой является примитивной и бедной, что не вызывает у писательницы симпатии.

В записи от 4 декабря 1927 г., в которой отражена встреча ведущими украинскими писателями французского литератора А. Барбюса в аэропорту Харькова, В. Чередниченко короткими штрихами создает лаконичный портрет украинской писательницы Х. Алчевской. Главной деталью в этом образе является красивое лицо, однако оценки, которые героиня давала личности А. Барбюса, свидетельствовали о ее инфантильности: *Рядом со мной Х. Алчевская вся пришла в азарт. Раскраснелась – лицо ее стало невыносимо [неразборчиво] красивым, и воспринималась [она], словно девчонка-шестнадцатилетка, что все отвратительно повторяла: «Какой же Барбюс идеалист! Какой же он энтузиаст!»* [4, с. 6]. Подтверждением того, что Х. Алчевская восхищалась А. Барбюсом, является запись в ее мемуарах: *Осенью года 1927-го один факт очень сильно повлиял на направление моих мыслей*

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Г.

и моих писаний. <...> Это... – французское выступление «О целях и направлениях литературы». Выступал Анри Барбюс [5, с. 42]. Дополняет портрет Х. Алчевской запись в дневнике В. Чередниченко от 20 декабря 1927 г., в которой автор достаточно резко высказалась о героине: *Христя Алчевская была. Не разберу, или она таки дура по природе, или просто бестолкова до предела... Такие вещи провозглашает в коридоре и на лестнице, что даже неловко* [4, с. 43].

Портрет А. Барбюса во время встречи в аэропорту существенно отличается от того образа, который описала В. Чередниченко на следующий день. Сначала писатель показался ей молодым: *Кругло-красное молодое лицо. С чемоданом в руках. <...> Молодая краснощекая дама и он. <...> Высокая фигура. <...> Линии скелета угадываются под пальто и утомленное, с покрасневшими глазами, знакомое по фотографиям лицо...* [4, с. 6]. В записи от 5 декабря 1927 г. В. Чередниченко, воспроизведя несколько выразительных деталей его внешности, видит А. Барбюса старым, изможденным, совсем не таким, каким он показался ей накануне в аэропорту: *Измученное лицо. <...> Шея в старческих морщинах и жилах* [4, с. 6].

В лаконичном описании литературных функционеров Кулика и Фельдмана, которых В. Чередниченко видела при встрече А. Барбюса, вводятся лишь три совершенно одинаковые детали, благодаря чему создается специфический парный портрет, в котором присутствует доля иронии: *Ив[ан] Кулик и Фельдман – оба в серых костюмах, одного роста, с русыми бородами – ходят взад-вперед* [4, с. 5].

Деконцентрированный портрет в дневниках В. Чередниченко встречается значительно реже, однако именно такая его форма дает возможность проследить эволюцию внешности и внутреннего мира личности, выступающей в качестве объекта портретирования. Ярким примером деконцентрированного портрета являются описание внешности и попытка раскрытия внутреннего мира выдающегося украинского поэта П. Тычины. Записи в дневнике В. Чередниченко свидетельствуют о том, что в 1920-х гг. она была влюблена в П. Тычину и имела с ним интимную связь, однако по неизвестным причинам в конце 1920-х гг. их отношения разладились, и писательница на десять лет покинула Украину, переехав на Кавказ, где вышла замуж за классика осетинской литературы Ч. Бегизова.

Портретную динамику внешности П. Тычины в дневнике можно отчетливо проследить с 1927 г., когда его отношения с В. Чередниченко начали ухудшаться. В частности, 15 января писательница отмечала: *П. Тычина не сбросил пальто и с какой-то бутылочкой и фуражкой под мышкой просидел около 2 часов* [6]. Здесь есть несколько атрибутов лаконичного портрета: названы инициал и фамилия персонажа, предметы его одежды, указана продолжительность пребывания героя в комнате. В оригинале отсутствуют знаки препинания, что делает предложение несколько алогичным, – это признак дневникового жанра, когда текст не предназначен для дальнейшей публикации и не редактируется автором. В записи от 6 марта 1927 г. В. Чередниченко рассказывает о своем посещении дома П. Тычины. Она фиксирует лаконичный портрет поэта, частично дополняющий предыдущий: *[П. Тычина] в верхнем пальто. Кровать кое-как прикрыта. На стуле – одежда. <...> Смотрит куда-то в сторону и молчит...* [6, с. 38]. Отведенный в сторону взгляд, молчание – это признаки ухудшения отношений между героями.

Далее, встречи П. Тычины и В. Чередниченко происходят преимущественно в официальной обстановке и случайно. Взгляд автора дневника отмечает лишь отдельные детали внешности поэта. Так, при встрече А. Барбюса в аэропорту Харькова В. Чередниченко отметила, что П. Тычина был *в новых черных ботинках и грязной полотняной блузе* [4, с. 5]. С одной стороны, поэт имеет новую обувь, с другой – грязную блузу, что свидетельствует о его семейной неустроенности. Позже, 12 января 1928 г., В. Чередниченко случайно увидела П. Тычину в столовой. Она старалась не встречаться взглядом с поэтом, но невольно за ним наблюдала, отмечая привлекательность его лица, что свидетельствует о том, что в душе писательницы все еще тлело чувство любви к поэту: *В углу обедал Тычина. Наши глаза не встретились. От обеда или волнения имел натруженно-розовый цвет и все лицо такое чистое и молодое* [4, с. 51]. Их следующая случайная встреча состоялась в столовой 3 марта 1928 г. Атрибутами костюма поэта снова выступают пальто и фуражка, а В. Чередниченко в который раз отмечает привлекательность лица П. Тычины: *В столовую, когда я, пообедав, пила чай, пришел П. Тычина. Сел за соседний столик и на стуле рядом положил свое пальто и фуражку. Этот стул загородил мне проход. <...> Лицо свежее, спокойное и красивое. <...> Очень хорошее!* [4, с. 68–69].

Затем наступил длительный перерыв во встречах В. Чередниченко и П. Тычины, поскольку писательница проживала в Южной Осетии, лишь иногда посещая Украину. В ноябре 1934 г. она увидела поэта в театре. Его лицо показалось В. Чередниченко неестественным, она описала встречу следующим образом: *В лоджии был Тычина... У него какая-то маска на лице – не его манера древняя управлять своими чертами, или это оттого, что он стал тучным?! Мне ужасно хочется поговорить с ним, послушать его произведения в его собственном исполнении, но не хочу этого добиваться как милости* [7, с. 161]. Когда через несколько лет В. Чередниченко снова увидела поэта, ей показалось, что это совсем другой П. Тычина, не тот, в которого она была влюблена. Так, 17 июля 1937 г. она писала: *...какой-то тяжелый, рыхлый, с набухшими глазами, Тычина поразил меня еще больше внешним*

видом. <...> Я поспешила попрощатся с поэтом. Он встал и вновь торжественно подал руку, сжал и еще потряс [8]. Этот лаконичный портрет существенно дополняет предыдущие описания героя. Здесь уже нет восхищения красотой поэта, хотя где-то в подтексте просматривается прежнее увлечение им. Это видно хотя бы по тому, как автор дневника описывает тот момент, в который П. Тычина торжественно жала ей руку. После почти десятилетнего перерыва в их отношениях П. Тычина старалась избегать встреч с В. Чередниченко. Она дополняет портретную характеристику поэта записью от 29 сентября 1937 г.: *Тычина скрылся... Видела то плечи, то спину – не более. Пожалуй, работает* [8]. Лаконичный портрет существенно дополняется в записи от 5 октября 1937 г., где автор акцентировала внимание на глазах поэта: *Таких глаз я у Тычины еще не видела. Серо-синие и как бы через край перелитые весельем, что-то хорошее, какая мальчишеская радость* [8].

Очередная встреча В. Чередниченко и П. Тычины произошла на торжествах по случаю 50-летия поэта. В записи от 28 января 1941 г. В. Чередниченко рядом с П. Тычиной рисует портрет его жены, которая, очевидно, знала об их прошлых отношениях. В дневнике В. Чередниченко воспроизводит портрет женщины в отрицательных коннотациях, где важными составляющими являются не только взгляд, но и детали наряда, внешности: *Когда П. Тычина с женой шли уже из зала, а мое место было у стены в его конце, я поздоровалась и поздравила его. Растроганный, он мне сжал крепко руку, а его жена, с яростью взглянув на меня, отвернула голову и поспешила скрыться за дверью. Супруга Тычины была в старомодном черном платье с очень покрашенными своими губами (они у нее до ушей) и все время показывала свои большие крепкие зубы, а когда президиум и зал аплодировали поэту, то его жена также аплодировала* [1, с. 9].

Портрет П. Тычины пополняется новыми деталями в записи от 30 августа 1942 г., сделанной в Саратове, куда была эвакуирована В. Чередниченко и где тогда как раз находился поэт: *Вот появляется Тычина. <...> Со своим брюшком, сытым подбородком, весь празднично сияет. Улыбается мне приветливо, словно мы встретились в Киеве, не видевшись несколько дней* [9]. Видно, что любовь измученной болезнями и лишениями В. Чередниченко к тому времени уже угасла, поэтому в описании внешности поэта появляются детали, указывающие на его недостатки. В то же время эта встреча для П. Тычины не была неприятной, о чем свидетельствует отмеченная в дневниковой записи приветливая улыбка поэта.

Таким образом, дневник В. Чередниченко представляется чрезвычайно богатым на описания внешности реальных исторических личностей, которые встречались на пути писательницы. Особенностью индивидуального стиля автора является то, что концентрированные портреты героев представлены лаконичными описаниями внешности, состоящими всего из нескольких деталей, которые в подтексте частично раскрывают духовность персонажей. Портреты женщин, их поведение, внутренний мир отличаются негативной оценкой. Деконцентрированные портреты, которых значительно меньше, из отдельных деталей создают достаточно полное описание внешности героев во временной эволюции (например, образ П. Тычины), что дает возможность проследить за изменениями внешности персонажей по мере развития их отношений с автором записей.

Форма дневника, не предназначавшегося для печати, предоставила В. Чередниченко возможность высказываться, в том числе при создании портретов современников, более откровенно, субъективно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Чередниченко В. Щоденник // Від. рукоп. фондів і текстології Ін-ту л-ри ім. Т. Г. Шевченка Нац. акад. наук України. Ф. 95. Од. зб. 189.
2. Чередниченко В. Щоденник // Від. рукоп. фондів і текстології Ін-ту л-ри ім. Т. Г. Шевченка Нац. акад. наук України. Ф. 95. Од. зб. 177.
3. Чередниченко В. Щоденник // Від. рукоп. фондів і текстології Ін-ту л-ри ім. Т. Г. Шевченка Нац. акад. наук України. Ф. 95. Од. зб. 178.
4. Чередниченко В. Щоденник // Від. рукоп. фондів і текстології Ін-ту л-ри ім. Т. Г. Шевченка Нац. акад. наук України. Ф. 95. Од. зб. 184.
5. Алчевська Х. Спомини й зустрічі (автобіографія) // Самі про себе: автобіографії українських митців 1920-х років / упоряд. Р. Мовчан. Київ, 2015. С. 26–43.
6. Чередниченко В. Щоденник // Від. рукоп. фондів і текстології Ін-ту л-ри ім. Т. Г. Шевченка Нац. акад. наук України. Ф. 95. Од. зб. 180.
7. Чередниченко В. Щоденник // Від. рукоп. фондів і текстології Ін-ту л-ри ім. Т. Г. Шевченка Нац. акад. наук України. Ф. 95. Од. зб. 185.
8. Чередниченко В. Щоденник // Від. рукоп. фондів і текстології Ін-ту л-ри ім. Т. Г. Шевченка Нац. акад. наук України. Ф. 95. Од. зб. 186.
9. Чередниченко В. Щоденник // Від. рукоп. фондів і текстології Ін-ту л-ри ім. Т. Г. Шевченка Нац. акад. наук України. Ф. 95. Од. зб. 190.

Статья поступила в редколлегию 09.09.2016.
Received by editorial board 09.09.2016.